

Посвящается Джулии

Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах.

Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня.

Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни.

Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, — потому что много бесов вошло в него.

Лк. 8:27—30

ДЖЕЙМС ТОРЕЛЛО: Джексона подвесили на мясницком крюке. Он был такой тяжелый, что крюк погнулся. Прежде чем окочуриться, он провисел на нем целых три дня.

ФРАНК БУЧЧИЕРИ (*хилика*): Эх, видел бы ты этого типа, Джеки! Толстый, как слон. Джимми ткнул его электрическим штырем, и он...

ТОРЕЛЛО (*взволнованно*): Он дергался на крюке, Джеки. Мы облили его водой, чтобы его хорошенько пробрало током, и он кричал...

Отрывок записи подслушанного сотрудниками ФБР телефонного разговора гангстеров из «Коза ностра» по поводу убийства Уильяма Джексона

Невозможно найти иного объяснения зверствам, которые творили коммунисты. Взять, к примеру, священника, которому в голову вогнали восемь гвоздей. И семерых маленьких мальчиков и их учителя. Когда ворвались солдаты, те читали «Отче Наш». Один солдат выхватил штык и отсек учителю язык. Остальные шомполами проткнули уши семерым маленьким мальчикам. Чем вы объясните такую жестокость?

*Доктор Том Дули
Дагау
Освенцим
Бухенвальд*

Пролог

СЕВЕРНЫЙ ИРАК

Жгучее солнце оставило на лбу старика крупные капли пота, но он продолжал сжимать обеими руками стакан горячего сладкого чая, как будто пытался согреть пальцы. Его не отпускало дурное предчувствие. Оно липло к спине подобно противным влажным листьям.

Раскопки закончены. Земля холма просеяна слой за слоем, все находки внимательно изучены, снабжены этикетками, упакованы и приготовлены к отправке: бусины и подвески, глиптика и фаллосы, каменные ступки с охряными пятнами, горшки из обожженной глины. Ничего выдающегося. Ассирийская шкатулка из слоновой кости. И человек. Человеческие кости. Ломкие останки земных страданий. Когда-то они заставили старика задуматься о том, не была ли материя Люцифером, пытающимся вернуться обратно к Господу. Теперь он так не думал.

Аромат лакричника и тамариска вынудил его обратить взор на алеющие маками холмы, поросшие тростником равнины, на стрелу каменистой дороги, устремившейся в ужас. На северо-западе был Мосул, на востоке — Эрбиль, на юге — Багдад и Киркук и огненная печь Навуходоносора. Сидя перед одинокой придорожной чайханой, он пошевелил под столом ногами и посмотрел на оставленные травой пятна на ботинках и штанах цвета хаки. Затем отхлебнул чая.

Раскопки закончены. Что ждет впереди? Старик смел с этой мысли пыль, словно с осколка керамики, однако не смог подыскать ей нужный ярлычок.

Из чайханы донеслось чье-то свистящее дыхание. Это в его сторону направлялся сморщенный хозяин заведения. Старик шел, поднимая пыль ботинками советского производства, которые он носил на манер домашних тапочек, придавив пятками задники. Его темная тень нависла над столом.

Человек в хаки покачал головой, глядя на разбитые, без шнурков ботинки хозяина в щедрых следах мучительного человеческого бытия.

Вот оно, мироздание, кротко подумал он. Сначала материя, но, в конце концов, все-таки дух. Дух и ботинки были для него лишь аспектами чего-то более фундаментального; первичного и абсолютно иного.

— *Kaman chay, chawaga?*

Тень сместилась. Курд застыл в ожидании, словно старый неоплаченный долг. Старик в хаки посмотрел ему в глаза — их радужка была затянута белесой пленкой. Глаукома. Когда-то он не смог бы полюбить этого человека.

Достав бумажник, он нащупал в его ветхом, мятом содержимом монету. Ага, вот она, а также несколько динаров, иракские водительские права, потертый пластиковый католический календарик двенадцатилетней давности. На обратной стороне надпись: «То, что мы даем бедным, это то, что мы заберем с собой, когда умрем». Он заплатил за чай и оставил сверх того на выщербленном столе цвета печали пятьдесят филсов. И зашагал к своему джипу. Тишину нарушил щелчок — это вошел в прорезь и повернулся ключ зажигания.

Человек в хаки секунду помедлил, задумчиво глядя перед собой. Вдалеке в знойной дымке похожая на

парящий в небе остров маячила плоская вершина холма, на котором стоял город Эрбиль. Полуразрушенные крыши его домов выглядели среди облаков словно разрушенное, заляпанное грязью благословение. Влажные листья еще сильнее липли к его спине. Что-то затаилось, ожидая его.

Гнилые зубы. Курд улыбнулся и помахал на прощание. Нащупав что-то теплое в глубине своего существа, человек в хаки помахал и улыбнулся в ответ. Впрочем, стоило ему отвернуться, как улыбка померкла. Он завел мотор и, резко развернувшись, покотился в сторону Мосула.

— *Allah ma 'ak, chawaga.*

Джип набрал скорость. Курд проводил его взглядом, озадаченный необъяснимым ощущением щемящей пустоты. Так что же исчезло вместе с ним? Что особенного было в присутствии этого чужестранца? Нечто сродни безопасности, вспомнил он. Ощущение защищенности, надежности, благополучия. Теперь же оно исчезло вдали, умчавшись на быстроходном джипе. Внезапно чайханщик почувствовал себя страшно одиноким.

* * *

В десять минут седьмого утомительная опись находок была закончена. Смотритель мосульского музея древностей, араб с дряблыми щеками, приготовился сделать последнюю аккуратную запись в лежавшем перед ним гроссбухе. Окунув перьевую ручку в чернильницу, он на мгновение остановился и посмотрел на своего друга. Похоже, человек в хаки был погружен в раздумья.

Засунув руки в карманы, он стоял у стола, пристально рассматривая высохший, снабженный бир-

кой предмет, шепот прошлого. Несколько секунд наблюдатель с любопытством наблюдал за ним, затем вернулся к своим записям, которые делал четким бисерным почерком. Спустя какое-то время он вздохнул, отложил в сторону ручку и бросил взгляд на часы. Поезд на Багдад отправился в восемь. Он промокнул страницу и предложил гостю чая.

По-прежнему не сводя глаз с лежавшего на столе предмета, человек в хаки отрицательно покачал головой. Наблюдавший за ним араб насторожился.

Интересно, что это разлито в воздухе? В нем определенно что-то чувствовалось. Смотритель встал и подошел ближе. И тотчас затылком ощутил покалывание. Его друг наконец пошевелился, взял со стола амулет из зеленого камня и задумчиво взвесил его на ладони. Это была голова демона Пазузу, олицетворения юго-западного ветра. Его царство было царством болезней и несчастий. В голове была проделана дырочка. Владельцу эта штука служила оберегом.

— Зло против зла, — произнес смотритель, обмахиваясь научным журналом на французском языке. На его обложке красовался жирный отпечаток большого пальца, испачканного оливковым маслом.

Его друг даже не пошелохнулся и ничего не сказал. Смотритель повернул голову.

— Что-то не так? — спросил он. — Отец Меррин?

Но человек в хаки, похоже, его не слышал, пристально разглядывая амулет, последнюю свою находку. Через секунду он положил его на стол и вопросительно посмотрел на араба. Неужели тот что-то сказал?

— Нет, патер. Ничего.

Они тихо обменялись словами прощанья. На пороге смотритель крепко пожал старику руку.

— Мое сердце не желает, чтобы вы покинули нас.

В ответ его друг тихо сослался на чай, нехватку времени и дела, которые его ждут.

— Нет, нет. Я имел в виду, чтобы вы не уезжали домой!

Человек в хаки остановил взгляд на крошке гороха, прилипшей к уголку рта араба. Впрочем, внутренний взор был устремлен в пространство.

— Домой, — повторил он.

В его голосе прозвучала некая обреченность.

— В Штаты, — добавил смотритель музея и про себя удивился, зачем он это сказал.

Человек в хаки с благодарностью посмотрел в темные глаза собеседника. Ему никогда не составляло труда любить этого человека.

— До свидания, — тихо сказал он. Затем быстро развернулся и шагнул навстречу сгущающейся тьме улиц и предстоящему путешествию домой. Он сам пока не знал, сколь долгим оно будет.

— Увидимся через год! — бросил ему вдогонку смотритель.

Но человек в хаки даже не оглянулся. Араб проводил его взглядом. Тот же по диагонали перешел узкую улицу, где его едва не сбили вылетевшие откуда-то дрожки. В дрожках восседала дородная пожилая арабка, чье лицо, словно саваном, было скрыто черной кружевной чадрой. Не иначе как она торопилась на какую-то встречу. Вскоре смотритель потерял из вида своего спешащего друга.

* * *

Человек в хаки быстро шагал по улице. Оставив позади центральную часть города, он миновал окраину и решительным шагом перешел Тигр. Однако ближе к руинам пошел медленнее. С каждым шагом пока

еще смутное предчувствие обрело осязаемую форму — страшную, пугающую.

И все же он должен знать. Ему следует подготовиться.

Доска, перекинутая через мутную, илистую речку Хоср, закрипела под его весом. И вот он на другом берегу, стоит на холме, где некогда блистала пятнадцатую вратами Ниневия, вселявшее ужас гнездо ассирийских орд. Теперь древний город лежал в пропитанной кровью пыли своей трагичной судьбы. И все же он здесь, и воздух все так же полон им, тем Другим, что вторгался в его сны.

Человек в хаки бродил среди руин. Храм Навуходоносора. Храм Иштар. Он прислушивался к вибрациям. Во дворце Ашшурбанипала он остановился и посмотрел на высеченную из известняка статую. Зазубренные крылья, когтистые лапы. Короткий, похожий на луковицу penis. Хищный рот растянут в злобной усмешке. Демон Пазузу.

Внезапно человек в хаки обмяк. Он склонил голову. Он понял: это неумолимо надвигается.

Он смотрел на пыль и сгущающиеся тени. Солнечный диск начал опускаться за линию горизонта. До его слуха донесся лай собачьих свор, бродивших по окраинам города. Откуда-то с юго-запада подул пронизывающий ветер. Человек в хаки опустил рукава рубашки и застегнул манжеты.

Он поспешил в сторону Мосула, где должен был сесть на поезд. Его сердце сжимала ледяная убежденность в том, что в скором времени его станет преследовать древний враг, лица которого он никогда не видел.

Зато знал его имя.

Часть первая

НАЧАЛО

ГЛАВА 1

Подобно ослепительной вспышке Сверхновой, которую едва различают глаза слепого, начало кошмара прошло практически незамеченным. Последовавший за ним жуткий крик был забыт. Никто не связал их вместе, этот крик и этот кошмар. Ибо судить было трудно.

Дом она снимала. Элегантный. Компактный. Кирпичное строение в колониальном стиле, увитое плющом, в джорджтаунской части Вашингтона, округ Колумбия.

По другую сторону улицы тянулась граница кампуса Джорджтаунского университета. Позади дома, резко спускаясь вниз к шумной М-стрит и далее к Потوماку, начинались каменные ступени.

В ночь на первое апреля в доме было тихо. Крис Макнил сидела в постели, просматривая текст сценария, порцию для предстоящей съемки. Риган, ее дочь, спала в детской. Внизу, в комнатке рядом с кладовой, спали пожилые домоправители, Уилли и Карл. Примерно в половине первого ночи Крис оторвалась от сценария и недоуменно нахмурилась.

Ее ухо уловило странные звуки. Постукивания. Приглушенные, они ритмично доносились как будто из каких-то глубин. Непонятный шифр, выстукиваемый мертвецом. Что бы это значило?